МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
ул. Кирова, 26б, Телеф. 96-69
Вырезка из газеты Тихо-Океанская Звезда
1—5 ФЕВ. 38
Хабаровск ДВК

А. Фетисов

ВДОХНОВЕНИЕ

Они ехали по скованному льдом Амуру, они мчались по заснеженным дорогам тайги, они плыли по неспокойному зимнему морю, в метель они шли пешком — иначе нельзя было проникнуть на дальние заставы, в гарнизоны ОКДВА и Тихоокеанского флота, где никогда не ступала еще нога актера...

Никогда не ступала нога актера! Об этом товарищи из Центрального театра Красной армии говорят с какой-то радостной, почти детской гордостью. Это чувство близко, понятно, знакомо дальневосточным патриотам, бойцам, геологам, строителям. Не в этом ли и есть счастье — быть первым в борьбе, в создании, в освоении новых, неизведанных мест.

Впервые бойцы далеких гарнизонов и пограничных застав, где ни на мгновение нельзя оторваться от мысли: не теперь так через час может прозвучать сигнал тревоги, — услышали взволнованные голоса мастеров драматического искусства и по-новому, с какой-то яростной силой зазвучал громогласный Маяковский.

Горький, Пушкин, Чехов, Роллан, Гоголь, Шекспир, Франс неожиданно встретились на этих необыкновенных концертах, где актеры и зрители сидели за одним столом. Классики встретились, как друзья-товарищи, бойцы, делающие одно дело. Объединенные театром в изумительной силы творческий коллектив, они продолжали борьбу за всеобщее счастье человечества, вселяя в сердца незаметных героев родины социализма чувство прекрасного, чувство ненависти к рабскому прошлому. Классиков встречали с восторгом, но иногда восторг нельзя было выразить шумно, — на заставе в ночной час должна царить тишина...

И что же удивительного в том, что, несмотря на трудности, на чрезвычайное напряжение, иногда тридцатичасовую актерскую работу, бойцов Центрального театра Красной армии никогда в эти дни путешествий не покидало творческое вдохновение.

В короткие часы общения с защитниками родины актеры открывали в себе новые таланты. Драматические актеры и актрисы выступали с вокальными номерами, уступая просьбам красноармейцев, они становились музыкантами. Знаменитая балерина, перешедшая в драматический театр по болезни сердца, показала свое мастерство танца бойцам, забыв о своей болезни. Парикмахеры починяли усы и бороды, костюмеры штопали костюмы, осветители устраивали такое освещение, что иная городская сцена могла завидовать. Режиссеры сжато преподавали руководителям драматических кружков основы режиссерского мастерства, актеры, узнав цену секунды в бою, могущую решить и ускорить победу, обучали бойцов читать стихи, монологи.

Много раз спектакли начинались за полночь и кончались к четырем-пяти часам утра. И актеры без сна, сберегая голоса, стремились дальше. Их всюду ожидали с нетерпением и встречали с трогательной простотой. Тогда забывались и мелкие невзгоды, и обед не во-время, и мороз, и ночи без сна. Это все окупалось истинной радостью, что приносили спектакли и концерты людям границы.

Бойцы Центрального театра Красной армии совершенно справедливо рассудили, что суровые условия, в какие они попадали, не идут ни в какое сравнение с той, куда более напряженной боевой службой, что несут неустанно бойцы армии, пограничники, флота, охраняющие священную землю социализма.

И, конечно, самое изумительное в этих стремительных поездках не в трудностях, что преодолевали актеры, не в триумфе...

В одной из самых отдаленных пограничных частей во время концерта Центрального театра Красной армии неожиданно появился в зале маршал Советского Союза Василий Константинович Блюхер. После оваций в честь легендарного маршала концерт продолжался. А после концерта выступил маршал с большой речью. Он говорил о международном положении Союза, о задачах боевой подготовки. И затем в таком же деловом тоне он перешел к задачам грозного оружия — искусства. Он говорил о задачах театра с той же ясной деловитостью, как о любом другом роде войск. Маршал сказал, что он взволнован, растроган, обрадован, увидев театр в этой далекой части. «Вот куда забрались», — восхищался он.

Товарищи из театра, кроме радости, испытываемой от высокой оценки своей работы, остро ощутили свое место в обороне страны. Но дело еще не только в этом. Речь идет о судьбах советского драматического искусства, о сокровенных тайнах актерского мастерства.

Центральный театр Красной армии еще молод, но он вырос, стал одним из лучших театров страны, как театр, владеющий методом социалистического реализма. Зритель театра — человек в военной гимнастерке. Театр дал не одну сотню шефских концертов в разных частях Красной армии, но никогда, как теперь на дальневосточных рубежах советской страны, он не был так близок к своему зрителю. И вот это постоянное общение со своим зрителем и основным героем заставило товарищей из театра многое передумать, многое переоценить.

Так произошло с пьесой В. Гусева «Дружба». Центральный театр Красной армии собирался ставить ее. Но стоило только актерам театра выехать на границу и встретить мужественных наших пограничников, чтобы тотчас распознать фальшь «Дружбы» и отвергнуть пьесу. Они встретили подлинных героев своего театра.

Заслуженный артист республики тов. Герага во время одного из концертов на пограничной заставе, вышел на улицу подышать свежим воздухом. Он долго смотрел в ночное звездное небо. Погрузившись в свои думы, он вздрогнул от спокойного голоса:

— На небе спокойно, их самолеты боятся сунуться. Повертится над своей землей, а к нам нет, — говорил пограничник, коренастый парень с обветренным веселым лицом.

— А что если вы не увидите вражеского самолета? — спросил Герага, сразу поняв о чем заводит разговор пограничник.

— Не увидим, так услышим, — ответил тот.

Они помолчали.

— Хорошо играют ваши, — вдруг сказал пограничник.

— А вы почему не там? —

— Я дежурный по заставе.

Герага пожал руку бойцу и взволнованный ушел, раздумывая о словах пограничника. Он услышит самолет, и он слушал баян. И Герага, заслуженный артист, создавший немало прекрасных героических образов, понял, что в этой мимолетной встрече кроется нечто весьма значительное. Он вспомнил все свои встречи с бойцами, командирами. Да ведь и те, что слушали концерт, кто не был в наряде, думали о том же, что и дежурный по заставе.

Актеры ожидали встретить на границе, на земле, обагренной недавней кровью сынов родины, людей необыкновенных, но они встретили людей простых, товарищеских, не любящих когда с ними говорят о героизме.

Вот тот, что смеется во все горло над чеховскими персонажами, задержал с товарищем четырех нарушителей, проявив недюжинное тактическое искусство и боевую сметку. А тот, с голубыми веселыми глазами, служащий предметом добродушной шутки, принял ночью семью из четырех медведей за нарушителей границы. Он им кричал: «Стой!» — они не откликнулись. Он тогда в темноте пристрелил трех, а четвертый убежал. Это — не охотничий рассказ, на этих медвежьих шкурах ночевали актеры.

Во время концертов приходят и уходят в наряд. Начальник заставы танцует, веселится со всеми, но озабоченность на лице не покидает его. Вот входит боец. Он смотрит пристально на него и покидает зал.

Командир рассказывает о соседях с той стороны. Он знает их силы, возможности, но у него, не один раз громившего тех, кто пытался прощупать советские границы, нет и тени зазнайства. Он трезво оценивает силы врага, и в нем спокойная уверенность в своих силах, нет позы, сантиментальности, любования собой. Он знает что он хочет. Он скромен, мужественен, прост, чуток, бдителен, любит смеяться, плясать.

Как непохож этот образ на тот что преподносят драматурги! И Герага, мечтающий о роли начальника заставы, говорит себе: «Ну, вот теперь меня не обманешь. Я познал своего героя, и он узнает во мне самого себя!».

Театр собирается ставить пьесу Н. Погодина о границе. Товарищи из Центрального театра Красной армии уже твердо уверены, что у них получится отличный спектакль. Они ощутили дыханье границы. Если автор кое-что забудет, недооценит — они помогут ему.

Почему бы не вставить в пьесу малыша, сына начальника заставы выросшего среди бойцов и помогающего молодым красноармейцам изучать боевые уставы. Или другой трогательный эпизод: после долгого пути на заставу приехали артисты и начальник, зная, что им нужно спешить дальше, а теперь они устали, предложил им: «Ничего, товарищи, обойдемся и без концерта. Посидите так, отдохните и дальше...»

Или самодеятельный вечер в одной воинской части, когда туда случайно попали актеры. Баянист заиграл, один из актеров запел «Приамурскую — партизанскую» и несколько сот глоток подхватило песню. А потом устроили пляски и актеры читали Байрона.

Сколько незабываемых встреч, простой человеческой радости, счастья принесло это общение актеров с бойцами ОКДВА, флота, погранохраны! Сколь неизмеримо вырос актерский творческий багаж!

Здесь сам собой напрашивается вывод, который должны сделать товарищи из Центрального театра Красной армии — нужно чувствовать жизнь, нужно любить жизнь, чтобы правдиво выразить ее на сцене, создать правдивые образы людей сталинской эпохи.

— Законы актерского творчества не изучены и многие изучение их считают излишним и даже вредным, — говорит Станиславский. И он жестоко высмеивает тех, кто надеется только на «нутро», на протекцию Аполлона, на вдохновение, неведомо откуда возникающее. Он указывает, что «работа над ролью заключается в изучении духовной сущности драматического произведения, того зерна, из которого оно создалось и определяет его смысл».

Сила Центрального театра Красной армии в том, что он верен своему великому учителю, верен методу социалистического реализма, его актеры изучают «зерно» драматических произведений, еще не созданных, героев еще не нашедших выражения в драматических образах.

Все это как будто необыкновенно просто, но не в этом ли и есть раскрытие тайны актерского вдохновения, которую так тщательно оберегали старые мастера. Не тогда ли и является это вдохновение, когда актер, в подлинном смысле этих слов, становится гражданином, мыслителем, сыном своей родины, человеком сталинской эпохи. Он может сделаться таким только активно, самоотверженно, так же мужественно, как пограничники, строители и геологи сражаясь за социализм. Вот откуда и приходит вдохновение. Оно перестает быть капризным и своенравным, возникающим неведомыми путями. Оно, это вдохновение — в удивительном сочетании мастерства и неугасимых патриотических чувств актера, любви к родине, понимания мировой значимости дел больших и малых, творимых в стране социализма.

Настоящее вдохновение обрели бойцы Центрального театра Красной армии и нам представляется, что пребывание театра на Дальнем Востоке, в крае чудесных дел, возможностей и скромных героев, дает коллективу актеров могучую силу для прыжка в искусство будущего, в искусство коммунизма.

Только больше строгости к себе, к пьесам, к драматургам. Больше ненависти к фальши, к бумажным цветам, скверным поделкам, которые иные неумные люди выдают за новое слово в искусстве.